

Сергей Сакадынский

Сто шагов назад

Сергей Сакадынский

Сто шагов назад

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сакадынский С.

Сто шагов назад / С. Сакадынский — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Где-то на краю мира, в затерянной среди леса деревне люди живут, поклоняясь своим богам, борются за выживание с жестокой природой и ждут когда сбудется пророчество. Но юному охотнику Эвану приоткрывается великая тайна. Неожиданно для себя он узнаёт, что его мир возник вовсе не так, как ему рассказывали в детстве. И что пророчество пересказали неправильно.

© Сакадынский С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Часть первая. Пророчество.

Боги определённо гневались. Буря не утихала уже шестнадцатый день. Здесь, в окружённой скалами небольшой, почти идеально круглой бухте, где вдоль узкого каменистого пляжа неровными рядами прижимистых хижин вытянулась деревня, было почти безветренно, но там, за каменными воротами, образованными двумя отвестными чёрными утёсами, бушевало и пенилось не по весеннему бурное море. Огромные свинцово-серые волны поднимались и рушились, рассыпаясь множеством брызг, и производимый ими грохот не смолкал ни днём ни ночью. Чёрно-синие, местами фиолетовые тучи нависали так низко, что, казалось, можно протянуть руку и дотронуться до их косматого, насквозь пропитанного влагой брюха. Ослепительные вспышки молний подсвечивали их то тут то там, и дождь водопадом обрушивался на землю, на лес, на крыши хижин, на лежащие у берега лодки.

Весной такие бури случаются время от времени, но обычно длятся они пару-тройку дней, не больше. В промежутках между ними рыбаки успевают выйти в море и вернуться с уловом. Но в этот раз непогода не отступала, и деревня оказалась на грани голода. Из-за бури не было возможности пополнить истощившиеся за зиму запасы. Охотники несколько раз ходили в залитый водой лес, но вся живность попряталась, и каждый раз они возвращались домой с пустыми руками.

Боги требовали жертву. Рыба, баран и куропатка не удовлетворили их аппетит. Они хотели человеческой крови.

Обычно в таких случаях бросали жребий. Брали плоские разноцветные камни, которые собирали в одном определённом месте, возле иссиня-чёрной скалы у самого берега, там, где ручей впадает в бухту. На каждом камне выцарапывали специальный знак, который обозначал человека. Выбирали обычно из числа бездетных девушек. Камни ложили в мешок, и шаманка, выкурив трубку, начинённую зельем тинту, вынимала первый попавшийся камень. Так вершилась воля богов.

В этот раз боги выбрали рыжую Лин. Ей было то ли шестнадцать то ли семнадцать лет, её родители умерли, когда она ещё была ребёнком.

Всё племя, за исключением неходячих стариков и младенцев, собралось на центральной площади, примыкающей к берегу круглой площадке около ста шагов в поперечнике, в середине которой возвышался Ин-ну – Жезл богов, который они спустили с неба после того, как был разрушен Поднебесный Город. Ин-ну представлял собой столб в три человеческих роста, в верхней части совершенно чёрный и блестящий, а в остальной матово-серебристый, абсолютно гладкий, сделанный из неизвестного очень прочного материала, на котором не остаётся царапин, даже если по нему сильно ударить камнем. Четыре столба из чёрного базальта высотой не больше четырёх локтей были врыты в землю на равном удалении от него, а у его подножия установлен вытесанный из гранитной глыбы жертвенник. Рядом жертвенником воздев руки к истекающему водой небу неподвижно застыла шаманка в головном уборе украшенном шестью рогами и множеством разноцветных перьев.

Двое мужчин с копьями в руках привели Лин. Впрочем, она не пыталась вырваться и убежать. Лицо её было отрешённым, глаза потуплены, и струи дождя стекали по её рыжим волосам и одежде.

– Ин-ну! Ин-ну! – при её появлении заголосила толпа.

Помощницы шаманки – четыре девушки, стоящие возле базальтовых столбов – стали ударять деревянными колотушками и громко выкрикивать какие-то слова, понятные только им.

– Ин-ну! Ин-ну! – вторила им толпа.

Шаманка запрокинула голову и подставила разукрашенное татуировками лицо струям дождя.

– Боги! – Крикнула она, и толпа тут же умолкла. – Боги! Вы послали нам Ин-ну, чтобы мы помнили о вашем гневе! Боги! Примите нашу жертву и даруйте нам вашу милость!

– Даруйте милость! – подхватила толпа.

Лин подвели к жертвеннику. Шаманка схватила её за волосы, намотав их на руку, и прижала девушку к камню, как раз посередине, там, где была выдолблена неглубокая круглая выемка.

– Боги! Примите жертву! – выкрикнула она, воздев свободную руку к небу.

Полыхнула молния.

– Жертву! Жертву! – неистовствовала толпа.

Быстрым движением шаманка выхватила из-за пояса кривой, похожий на серп, нож и полоснула им по горлу девушки. Кровь, смешиваясь с дождём, полилась в ямку в центре жертвенника. Лин несколько раз широко открыла рот, словно пытаясь глотнуть побольше воздуха, а потом дёрнулась и затихла. Шаманка продолжала держать её за волосы до тех пор, пока выемка не наполнилась кровью. Когда же кровь стала переливаться через край и стекать по жертвеннику вниз, шаманка резко дёрнула жертву за волосы и та упала к подножию Ин-ну.

– Жертва принесена! – выкрикнула шаманка, закатив глаза и снова воздев руки к небу.

– Ин-ну! Ин-ну! – отозвалась толпа.

А дождь всё лил и молнии продолжали сверкать.

Эван не любил дождь. От дождя намокают одежда и волосы и противно липнут к телу. Земля под ногами раскисает, превращаясь в болото, по ней становится трудно ходить. В лесу дождь смывает все следы, и тогда невозможно выследить и убить зверя.

Дожди идут всю зиму почти непрерывно и прекращаются только ранней весной. Но в этом году они затянулись дольше обычного, и поэтому шаманка решила, что боги разгневались. Боги вообще часто гnevаются и их приходится задабривать. Охотники отдают им часть своей добычи, а рыбаки – часть улова. Когда же дело совсем плохо, богам отдают кого-то из людей. Но Эван не был уверен в том, что это действительно помогает. Ведь иногда, получив многочисленные подношения, боги всё равно продолжали посылать людям неприятности. Эван даже как-то поделился своими сомнениями с шаманкой, но та сказала, что он сошёл с ума и что если боги продолжают гневаться, то это означает только то, что принесённая жертва была недостаточной. А если он будет и дальше говорить глупости, то его самого принесут в жертву на ближайшем празднике плодородия. Эван мысленно посмеялся, потому что никто не отдаст богам молодого, сильного охотника, потому что охотники и рыбаки кормят деревню и шаманку с её помощницами в том числе.

Сейчас, когда они с Эльзой лежали, укрывшись шкурами, под навесом старого амбра и смотрели как струи дождя низвергаются в холодное море, он думал о том достаточной ли была жертва Линн и почему боги выбрали именно её, а не, например, Эльзу или ещё кого-то из девушек.

– И дождь не кончился до сих пор, – увлёкшись своими мыслями, неожиданно произнёс он вслух.

– Что? – Эльза повернула к нему своё веснушчатое в частых оспинках лицо. Её соломенные волосы были ещё мокрыми от дождя и в них виднелись тут и там застрявшие тонкие веточки и остатки прошлогодних листьев.

– Ничего, – сказал Эван. – Дождь.

– Что – дождь?

– Дождь не кончился.

Некоторое время они молчали.

– О чём ты думаешь? – спросила Эльза, повернувшись на бок и пытаясь проследить направление его взгляда.

– О том, что мир не такой, как нам кажется, – ответил Эван, подтянув шкуру к самому подбородку.

– А какой?

– Не знаю.

– Это ты из-за Линн?

– Не знаю.

Эльза оттолкнула его от себя, резко поднялась и села. Её нечёсанные волосы рассыпались по голым плечам, шкуры упали вниз и пышные, но бесформенные груди заколыхались прямо перед глазами Эвана.

– Зато я знаю! – воскликнула она и глаза её расширились и потемнели, из серых превратившись почти в чёрные. – Ты был с ней! Что молчишь?! Она лучше меня?! Да?! Отвечай!

Да, Линн пожалуй была лучше, подумал Эван. Тоньше, изящней, и зад у неё был не такой жирный. Да и характер покладистый, не то что у Эльзы. Но вслух он этого разумеется не сказал.

– Глупости, – ответил он, снова глядя на пузырящуюся под ударами дождевых струй водную гладь.

– Ах глупости! Да ты ведь даже не смотришь на меня, негодяй!

Эльза отбросила шкуры и уселась ему на живот.

– Если бы меня отдали богам вместо неё, ты точно бы не жалел! – сжав губы, сказала она.

Эван задумался. Сожалел ли он о том, что ушла Линн? Наверное да. Но другие мысли занимали его голову не меньше: например, когда наконец закончится дождь и можно будет отправиться на охоту. Если бы на месте Линн оказалась Эльза вряд ли было бы по другому.

– Я бы жалел, – ответил он.

– Врёшь!

Эван пожал плечами. Ему было всё равно что думает Эльза. Они росли вместе, повзрослели и как-то само собой случилось, что он увидел в ней женщину, а она в нём – мужчину. Ему с ней было хорошо. Но были вещи поважней. Например, дождь, который всё не заканчивался.

Вдруг новая мысль пришла ему в голову.

– Если бы боги выбрали тебя, ты бы сопротивлялась? – спросил он.

– Что? – Эльза застыла и лицо её теперь вместо гнева выражало полное недоумение. – Как можно сопротивляться воле богов? Дождь идёт, солнце всходит и заходит, люди рождаются и умирают по воле богов. Как можно этому противиться? Как можно это изменить?

– Боги выбрали Линн. Но Линн могла бы убежать.

– Ты дурак, Эван! Убежать в лес и стать обедом для диких зверей?

– Да, это хуже. Наверное, хуже.

– Ты совсем ненормальный! Ненавижу тебя!

Эльза вскочила, завернулась в шкуру и побежала прочь. Её босые ноги по щиколотки утопали в грязи, а струи дождя хлестали по плечам и спине.

Эван сел. Если бы не дождь, может быть он пошёл бы за ней следом, но сейчас ему не хотелось снова мокнуть. Он даже решил не идти домой, а лечь спать здесь, в амбаре.

А наутро тучи наконец рассеялись и над деревней ярко засветило солнце.

Деревня представляла собой четыре ряда хижин, полукругом протянувшихся вдоль берега бухты. Хижины – длинные жерди, связанные друг с другом верхними концами, накрытые листьями папоротника, дёрном и шкурами морских животных. По одну сторону от них засыпанный крупной галькой узкий пляж, по другую – стена сплётшихся друг с другом дере-

вьев. Лес наступает на посёлок, подбирается к хижинам, нависает над ними и каждую весну приходится снова и снова рубить молодую поросль.

Ровно по центру полукруга между хижинами есть разрыв – выложенная плоскими камнями площадка, посреди которой возвышается Ин-ну. Здесь же находится жилище шаманки и её помощниц. Помощниц шаманка выбирает себе сама из числа молодых девушек, одна из которых потом сама станет шаманкой.

Сколько всего людей живёт в деревне точно неизвестно. Может двести, может триста. Однажды, пару лет назад старейшина Болл решил их посчитать и распорядился, чтобы каждый, кто может ходить, пришёл на площадь и сделал зарубку на длинной жерди, которую специально для этого приволокли из лесу. Но из этой затеи ничего не вышло. Кто-то забыл прийти, кто-то пришёл два раза. Да и посчитать зарубки так и не удалось – после каждого подсчёта выходило то сто девяносто два, то триста пять, потому что считать в деревне толком мало кто умел. В конце концов все посмеялись и разошлись, а жердь так и осталась лежать у края площади, потихоньку обростая мхом.

Знающие люди говорили, что деревне больше тысячи лет. Когда боги лишили людей своей милости и разрушили Поднебесный Город, немногие выжившие спустились с гор и вышли к морю, где и поселились. Море было рядом с посёлком, с южной стороны, а также за лесом на востоке и на западе. А на севере в четырёх днях пути лес упирался в горы. Раньше охотники иногда пробирались туда, но ни одному не удалось достигнуть конца горной гряды. А потом случилось землетрясение, и единственный путь на север, через узкое, глубокое ущелье, оказался завален каменными глыбами.

Никто не знал есть ли где-то ещё другие деревни. Говорили, что люди шли от Поднебесного Города в разные стороны. И может быть кто-то из них поселился в других таких же посёлках, за горами или за необъятным, полным опасностей морем. Но горы невозможно перейти, а море нельзя переплыть. Да и какая разница, ведь у жителей деревни хватало других забот.

Говорят, что первые люди, построившие деревню, сильно страдали от голода, потому что ещё не научились охотиться и ловить рыбу. Они дрались между собой за ту скудную пищу, которую удавалось добыть, и будто бы даже некоторые поедали трупы сородичей, погибших в этих потасовках. Прошло немало лет, пока наконец установился порядок.

Эван шёл вдоль берега, где женщины рылись в прибрежном иле, выбирая улиток и съедобных червей. Чуть поотдаль чернели лежащие у самой кромки воды лодки и возле них суетились и громко кричали рыбаки.

Навстречу Эвану попала группа юношей его возраста. Один из них окликнул его:

– Эй, Эван, через несколько дней лесные тропы просохнут. Наступит подходящее время для охоты.

В лес ходили поочерёдно отрядами по пять-шесть человек. В одиночку никто не ходил – самому запросто можно было стигнуть так, что и костей потом не найдут.

– Я знаю, – бросил на ходу Эван, – я готов.

Когда он поравнялся с лодками, от возившихся на берегу рыбаков отделился крепкого телосложения парень и быстро зашагал наперерез Эвану.

– Эй! – кникнул он, видя, что Эван не собирается останавливаться.

Парня звали Холк. Когда он встал перед Эваном, было хорошо видно, что он на голову выше и заметно шире в плечах. Вся его одежду составлял обёрнутый вокруг бёдер кусок акульей кожи, поэтому ничто не скрывало хорошо развитые мышцы. Холк был известным рыбаком, сорвиголовой, которого ничего не могло испугать. Однажды он на спор в одиночку вышел ночью далеко в море, загарпунил там акулу, которая была раза в три больше него, и на верёвке притащил её в деревню. За силу и храбрость его уважали, но считали, что с головой у парня не всё в порядке, поэтому лучше держаться от него подальше.

– Чего тебе, Холк? – спросил Эван.

Холк смотрел на него сверху вниз и его тяжёлая нижняя челюсть двигалась из стороны в сторону как будто он что-то жевал.

– Ты опять обидел Эльзу, – процедил он сквозь зубы.

Холк давно положил глаз на Эльзу, Эван об этом знал. Впрочем, в деревне женщина никогда не принадлежала одному мужчине. Раньше, когда люди ещё жили в Поднебесном Городе, мужчины и женщины выбирали себе пару и должны были хранить верность друг другу, но здесь, в посёлке даже если они начинали жить в одной хижине, женщина могла уйти к другому мужчине на время или навсегда, а мужчина мог когда хотел ходить к другой женщине. Дети же, рождённые женщиной, принадлежали ей и никому больше.

– Ну ты-то наверняка её утешил как следует, – усмехнулся Эван.

Он вдруг поймал себя на мысли, что ему всё равно ходит Эльза к Холку или нет.

– Она плакала, – всё так же сквозь зубы сказал Холк.

Эван пожал плечами.

– Женщины часто плачут.

– Она плакала из-за тебя.

– Это она тебе сама сказала?

– Я сам знаю.

– Пропусти, – сказал Эван и попытался обойти верзилу. – Дай я пройду.

Но Холк снова преградил ему дорогу.

– Чего тебе надо? – Эван не хотел продолжать разговор. Холк сильнее, и если дойдёт до драки, преимущество будет на его стороне. Не то чтобы Эван боялся быть побитым, просто ему не хотелось чтобы это случилось здесь, на виду у всего посёлка.

Холк толкнул его рукой в грудь, и Эван чуть не упал на спину, с трудом удержав равновесие.

– Не зли меня, понял?

«Тупой, безмозглый здоровяк, – подумал Эван. – У моллюска мозгов наверняка больше».

Он отступил на шаг, прикидывая пути к отступлению. Бежать от Холка на глазах у всех ему тоже не хотелось, но лучше уж так, чем потом лежать неделю или две с поломанными рёбрами.

– Ты понял?! – продолжал наступать Холк.

– Да ладно тебе, – Эван изобразил подобие улыбки и хотел было примирительно похлопать Холка по плечу, но тот резко оттолкнул его руку.

– Я вижу ты не понял, – прорычал Холк, сжимая кулаки.

«Придётся бежать», – тоскливо подумал Эван.

Тут кто-то из рыбаков окликнул Холка, и тот повернулся в сторону лодок. Момент был удачным. Эван сделал шаг в сторону и что есть духу припустил к хижинам.

– Стой! – закричал ему вслед Холк, но догонять не стал. – Стой! Вернись!

– Ещё чего, – пробормотал Эван, ускоряя бег.

Оказавшись на достаточно большом расстоянии он остановился и оглянулся. Холк неспешно шагал к лодкам, время от времени выкрикивая что-то нечленораздельное. Наверное какие-то оскорбления, адресованные Эвану.

– Тупая скотина, – буркнул юноша. – Попадись ты мне в лесу...

Впрочем, это было несбыточное желание – рыбаки никогда не ходят в лес, точно так же как охотники не плавают по морю.

Эван пошёл дальше. Пора было подумать и о желудке. Мать наверное наварила каши из плодов хлебного дерева. Это почти единственная пища, в изобилии доступная зимой – огромные пальмы росли по краю деревни и крупные, тяжёлые но совершенно безвкусные плоды, поспевавшие в начале зимы, падали на землю прямо возле хижин. Их собирали в большом

количестве и складывали в амбарах. Плоды не портились очень долго и могли храниться до следующего урожая. Ими можно было набить желудок, кое-как заглушив чувство голода, но чтобы наесться нужно мясо. А мясо – сушёное, вяленое, копчёное, заготовленное в прошлом году – закончилось ещё в середине зимы. Охоте же мешали ливни, практически не прекращавшиеся весь сезон. В бухте иногда удавалось выловить немного рыбы, но её было совсем мало. Не то чтобы в деревне голодали, но зима была не самым лучшим временем года.

Эван подумывал как бы раздобыть какой-нибудь дичи, но самому соваться в лес не стоило. Слишком опасно. Справиться в одиночку с крупным хищником не каждому по силам. Тем более зверьё только-только отошло от спячки, изголодалось, кидается на всё, что движется.

– Обождём, – сказал себе Эван.

Чтобы хоть чем-то разбавить безвкусную кашу, он подобрал на берегу двух тщедушных крабов и зашагал домой.

Эвану всё-таки удалось добыть немного мяса. Ночью, когда он вышел из дому справить под деревьями малую нужду, из лесу выполз кролик. Кролик был тощий, исхудавший после зимней спячки. Обычно кролики не подходят так близко к хижинам, но этот видимо заблудился, шатаясь в потёмках в поисках пищи.

Пока кролик переползал от куста к кусту, обгладывая молодые побеги, Эван осторожно присел и огляделся. Кролик был слишком далеко, шагах в десяти, так что догнать его не было возможности. Юноша поискал глазами камень или палку и увидел рядом довольно крупный окатыш. Камень удобно лёг в руку. Эван напрягся как натянутый лук и ждал.

Кролик привстал на задние лапки, поднял облезлую морду и потянулся к свисавшим с ветки пучкам листьев. Камень полетел точно в цель, и Эван отправился домой со своей добычей.

Он освежевал кролика и разрубил его на две части вдоль хребта. Одну половину отдал матери, а вторую отнёс Эльзе.

Эльза жила на другом конце деревни вместе с ещё тремя девушками. Когда пришёл Эван, она уже хлопотала у очага. Завтрак девушек был как обычно скуден – плоды хлебного дерева и какие-то травы, которые Эльза собиралась сварить в горшке. Половинка кролика оказалась как нельзя кстати. Эльза сразу разрешила её на куски и бросила в кипяток. Запах мяса тут же распространился по хижине.

– Ну я пойду, – сказал Эван.

Он шагнул к выходу, но тут же отступил назад, потому что в дверях возникло нечно бесформенное, загородившее собой свет.

– Шаманка! – воскликнул Эван.

Шаманка стояла в проходе, подсвеченная сзади лучами утреннего солнца. Худая женщина в безразмерном кожаном балахоне, из которого торчала голова с копной грязных волос и очень тонкие руки, похожие на высохшие ветки.

– Мясо. Дай мне! – без обиняков заявила шаманка, входя в хижину.

– Это кролик, – пробормотал Эван. – Я убил кролика и принёс девушкам...

– Дай! – повелительно сказала шаманка, делая ещё один шаг.

Эльза встала между ней и очагом.

– Ты знаешь правила, – сказал Эван.

Правила гласили, что всякая добыча, которую человек может унести в одной руке, принадлежит тому, кто её добыл и он волен ею распоряжаться по своему желанию. Крупная добыча считалась собственностью деревни и поступала в общие запасы.

– Ты тоже знаешь правила, – прошипела шаманка, в упор глядя на Эльзу.

По правилам, раз в день шаманка могла войти в любой дом и взять себе любую еду, которую ей захочется.

– Не отдам! – вдруг воскликнула Эльза. – Мы уже месяц без мяса, а ты вчера взяла куропатку у старешины Болла!

– Отдай! – глаза шаманки сузились и потемнели.

– Отдай ей кролика, – обречённо сказал Эван.

– Не отдам!

Эльза упрямо сжала губы. Она продолжала стоять между очагом и шаманкой. Шаманка сделала ещё один шаг. Теперь их разделяло расстояние не больше вытянутой руки.

– Не отдам! – повторила Эльза.

Мгновение они стояли, глядя друг другу в глаза. Потом шаманка стремительно повернулась на пятках и пошла к выходу. В дверях она ненадолго задержалась и бросила через плечо короткий взгляд на всё ещё стоявшую около очага Эльзу, а потом вышла из хижины.

Хотя дождь прекратился, погода никак не налаживалась. Время от времени поднимался ветер, а вдалеке над лесом темноту то и дело разрывали лиловые вспышки, будто бы сверкала молния, хотя грома не было. А ещё кто-то из рыбаков разглядел в небе новую звезду. Рыбаки и охотники хорошо знают звёзды. Звёзды помогают им найти дорогу домой. Поэтому изменения в ночном небе не могли укрыться от их глаз. Может быть эта новая звезда появилась давно, но небо скрывали дождевые тучи, и потому разглядеть её смогли только сейчас.

Шаманка качала головой и говорила, что боги посылают знаки. Весь следующий день она курила трубку и гадала на морской гальке, на шкурах животных и рыбьих кишках, но разгадать волю богов так и не смогла.

Эван тоже думал о знаках, о воле богов и о предстоящей охоте.

С утра он вытащил из-под своей постели нож и тщательно его осмотрел. Это был настоящий железный нож в локоть длинной, с широким лезвием и ребристой деревянной рукоятью. Таких ножей в посёлке едва ли наберётся два десятка. Раньше их делал один мастер, старик, имя которого уже мало кто помнит. Железо приносили охотники. Они иногда находили его в горах. Старые люди говорили, что железо падает с неба, что это боги, играя, бросают его на землю. Но тот мастер умер, а кроме него никто не знал как обрабатывать этот материал. Кое-кто пробовал, но ничего путного из этого не вышло. Поэтому оставшиеся в посёлке ножи берегли как большую ценность.

Эвану нож достался от его отца, которого юноша совсем не помнил. Эван тщательно следил за тем, чтобы лезвие всегда было острым и не заржавело. Если вдруг на нём появлялось тёмное пятно, он тут же шлифовал его камнем, а после куском грубой кожи. Поэтому нож был отличный, разве что лезвие слегка сточилось да рукоятка потемнела от времени.

Копьё Эван сделал себе сам. Оно было почти в его рост, прочное, крепкое, с треугольным каменным наконечником. Такое можно бросить в зверя с небольшого расстояния или ударить, подойдя вплотную.

Тетиву для лука сплела из змеиных жил Эльза, а основу Эван нашёл в лесу. Подходящих деревьев в лесу не так много, поэтому если лук сломался, заменить его на новый удавалось не сразу. Другое дело стрелы. Их каждый охотник мог сделать в любом количестве. Лёгкие тростниковые с заостренными концами для того, чтобы бить птицу, и из ровных прямых веток с наконечниками из рыбьих костей для более крупной дичи. За зиму Эван заготовил их несколько связок.

Похоже, со снаряжением всё было в порядке.

Эван отложил лук и посмотрел туда, где сгушавшиеся над лесом сумерки то и дело разрывали вспышки далёких молний. Там, далеко на севере снова бушевала гроза.

Лишь бы только погода не испортилась, подумал Эван. Когда льёт дождь, в лесу делать нечего – всё зверьё прячется в свои берлоги, да и сбиться с дороги не видя звёзд и солнца очень легко. Но боги приняли жертву и даровали сухую погоду. Поэтому через несколько дней Эван вместе с другими охотниками отправится в лес и вернётся с добычей. А потом ещё раз и ещё. Чтобы мяса хватило на всю зиму. И всё будет хорошо...

Так бы всё и случилось, если бы не умерла старая Рут.

Рут была уже старой, когда Эван и Эльза ещё были детьми. Никто точно не знал сколько ей лет. В посёлке редко кто доживал до пятидесяти – голод, болезни, дикие звери и бурное море исправно собирали свою дань. Совсем немощных и больных, если о них некому было заботиться, сажали в лодку и отдавали морским волнам. Потому что и без них хватало голодных ртов.

Самому старшему мужчине в посёлке сейчас было сорок два. А Рут, как утверждали некоторые, прожила уже сто лет.

И вот теперь она умирала. Одна в своей вросшей в землю хижине с прохудившейся крышей.

Рут всегда считали выжившей из ума старухой. Говорят раньше она часто рассказывала детям сказки о далёких временах и так долго их повторяла, что сама начала верить будто бы всё это правда. Сначала это воспринимали как чудачество, но потом, когда Рут окончательно свихнулась, шаманка сказала, что её разум украл злой дух, и что то же самое случится с теми, кто будет слушать её бредни.

Из уст в уста передавался рассказ об охотнике Имаре, который любил послушать болтовню старухи и частенько захаживал к ней. А потом он свихнулся и ушёл в горы. Два месяца о нём ничего не было слышно, а потом его нашли в лесу совершенно обезумевшего и привели домой. Только в конце концов пришлось его убить, потому что он несколько раз пытался поджечь деревню. Он утверждал, что зачем-то нужно зажечь большие костры, такие, чтобы их можно было увидеть с неба.

С Рут перестали общаться. Она все дни проводила на пороге своей хижины, раскачиваясь из стороны в сторону и что-то бормоча себе под нос. Рядом была тропинка, по которой охотники обычно возвращались из лесу, и кое-что из добычи они из жалости оставляли Рут, чтобы она не умерла с голоду. Остальные обходили хижину стороной.

Так было много лет подряд.

Но вот уже две недели на пороге хижины никого не было. К оставленной на пороге еде никто не притрагивался. Один из охотников осторожно заглянул внутрь и увидел, что старуха неподвижно лежит на постели. Он решил, что Рут умерла и хотел было пойти сообщить об этом остальным. Но когда он уже отошёл от двери, старуха зашевелилась и что-то сказала. Памятуя наставления шаманки, охотник зажал уши руками и убежал. Больше к хижине никто не подходил.

– Надо бы посмотреть что с ней, – пару дней спустя сказал старейшина Болл. – Умерла она или нет. Если умерла, так стоило бы её похоронить.

– А если не умерла? – спросил кто-то из молодых охотников. – Вдруг она заговорит со мной?

– Ну а хоть и заговорит, так что с того. Закроешь уши и уйдёшь.

– Вот ты, Болл, сам и сходи тогда. А я не хочу, чтобы злые духи похитили мой разум.

Старейшина смутился. Видно было, что ему вовсе не хотелось идти в хижину полуумной старухи.

Эван не очень-то верил рассказам шаманки. В детстве он бывало прислушивался к бормотанию старухи, правда, ничего не понимал, но и в демоны его голове не поселились.

Эван сказал:

– Я пойду и посмотрю что там с Рут.

Все разом облегчённо выдохнули. Раз есть доброволец, то не о чем и говорить. Пусть идёт.

Эван отодвинул облезлую, местами затёртую до блеска шкуру и вошёл в хижину. Здесь пахло мочёй и плесенью. Были ещё и другие запахи, об источниках которых Эван предпочёл не думать. Стараясь поменьше дышать, он сделал шаг и остановился, дожидаясь, пока глаза привыкнут к царившему здесь полумраку.

Что-то зашевелилось в углу.

– Рут! – осторожно позвал Эван.

Из темноты раздалось кряхтение.

– Рут! – уже в полный голос сказал юноша, глядя в угол, в котором теперь ясно угадывалось какое-то движение.

– Зажги свет! – еле слышно прошелестело в ответ.

Нет, она сказала не «зажги свет», а что-то вроде «сделай свет»... Нет, не «сделай», какое-то другое слово, непонятное, незнакомое, которого Эван не знал, но значение которого интуитивно угадывал.

– Свет... – растерянно повторил он.

Единственное, что пришло ему в голову, это снять шкуру, закрывающую дверной проём. Тусклые лучи солнца проникли в хижину, немного рассеяв сумрак.

Рут лежала на своей постели из полуистлевших источавших зловоние шкур. Высохшая, сморщенная старуха с совершенно белыми волосами, резко контрастировавшими с тёмной, в бурых, похожих на ржавчину пятнах, кожей. Кости черепа так отчётливо проступали сквозь эту кожу, что казалось перед Эваном был не живой человек, а облепленный грязью скелет. Но глаза, неестественно большие на этом ссохшемся лице, огромные голубые глаза широко раскрылись и смотрели на Эвана, и в них не было ни капли безумия.

– Вот свет, – неуверенно сказал Эван, кивая в сторону двери.

Раздался звук, похожий на кашель – старуха засмеялась.

– Разве это свет, мальчик, – не сказала, а скорее выдохнула она. – Разве это свет...

– Какой есть, – пожал плечами Эван. – Я не знаю где у тебя лампа и масло.

– Это всё... глупости... – прошелестела Рут и закрыла глаза.

Эван постоял некоторое время. Рут не шевелилась.

– Эй! – снова позвал юноша. – Эй, Рут!

– Чего тебе, мальчик? – не открывая глаз, спросила старуха.

– Вообще-то меня послали узнать не померла ли ты. Ну раз не померла, так может тебе нужно чего? Еды? Воды? Может огонь разжечь?

– Ты не боишься?

– Чего мне бояться?

– Разве тебе не говорили, что опасно разговаривать с сумасшедшей Рут?

– По правде говоря да. Но только я не очень верю в эти сказки. Мало ли что люди говорят.

Старуха снова повернула лицо к Эвану и долго смотрела ему в глаза. А потом сказала:

– Ну раз так, тогда разожги огонь, мальчик.

Эван нашёл немного дров, сложил их в очаг и зажёл огонь. Дрова были сырыми и горели плохо, отчего хижина сразу наполнилась едким дымом. Эван сбегал на улицу за сухим хворостом, и дело пошло на лад. Вскоре в очаге весело заплясали горячие языки пламени.

Эван сел на земляной пол и прислонился спиной к столбу, подпиравшему крышу. Он не знал что ему делать – сидеть здесь или же пойти к старейшине и остальным, которые наверняка ждут его возвращения.

– Я скоро умру, – вдруг снова заговорила Рут.

– Похоже на то, – согласился Эван. – Я вообще не думал, что люди могут жить так долго.

Он с любопытством рассматривал внутренности хижины. Похоже, здесь давно никто не наводил порядка. На полу кое-где виднелись следы высохших луж – дождевая вода протекала через дырявую крышу. Наверное, во время весенних ливней здесь было как на болоте. Связки каких-то корешков, засохших и покрывшихся плесенью плодов, стеблей растений были развешаны по стенам, разбросаны по полу вместе с потемневшей от времени и потрескавшейся деревянной посудой, одеждой и разным ненужным хламом. Пара глиняных горшков для приготовления пищи стояли в углу. Они были покрыты пылью и паутиной. Видно, к ним давно никто не притрагивался.

– Сколько тебе лет, мальчик? – спросила старуха.

– Восемнадцать, – ответил Эван.

То ли от дыма то ли от исходявшего непонятно откуда, а точнее отовсюду зловония у него закружилась голова и всё вокруг поплыло перед глазами. И тут ему показалось... Точнее он отчётливо увидел, что из самого дальнего и самого тёмного угла на него кто-то смотрит.

Эван вскрикнул и вскочил на ноги. Но они не слушались, и он снова упал на пол, больно ударившись локтем о какой-то торчащий из земли камень. Боль вернула его в реальность, туман в голове рассеялся и окружающие предметы перестали плясать. Но там, в темноте, в углу по-прежнему кто-то был. И этот кто-то пристально смотрел на него.

Кашляющий смех Рут за спиной окончательно привёл Эвана в чувство. Он пошарил вокруг себя, пытаясь найти что-нибудь, что можно было бы швырнуть в затаившееся в глубине хижины нечто.

– Не надо, – угадав его намерения, сказала старуха. – Лучше принеси его сюда.

– Кого? – опешил Эван.

– Зеркало.

Зеркало. У некоторых девушек в посёлке были зеркала – полированные пластинки горной слюды размером с ладонь. Эльза всегда завидовала им, и Эван обещал сделать ей такое же, но найти подходящий материал можно было только высоко в горах, а попасть туда было теперь почти невозможно из-за обвала. Однако в тех зеркалах отражение было мутным, расплывчатым, а здесь оно казалось безупречно чётким, такого не бывает даже на воде в тихую погоду. К тому же зеркало было большим, просто таки огромным, не меньше локтя в поперечнике, и в то же время очень тонким и идеально ровным.

Эван с опаской взял зеркало в руки. Оно было не слишком тяжёлым, гладким и холодным. Край его был неровным, словно обломанным, и Эван на мгновение предположил даже, что это зеркало могло бы быть частью другого, ещё большего зеркала. Но он тут же отогнал от себя эту мысль, потому что зеркал таких невероятных размеров уж точно не бывает.

– Принеси его! – повторила старуха.

Когда Эван подошёл, она закрыла глаза, глубоко вздохнула и сказала:

– Поверни!

Эван повернул зеркало к ней, держа его обеими руками. Его обратная сторона оказалась совершенно чёрной.

Рут открыла глаза и долго смотрела в зеркало, и Эвану показалось что уголки её беззубого рта шевельнулись, изобразив некое подобие улыбки.

– Убери! – велела старуха, и Эван послушно отнёс зеркало на место. Некоторое время он постоял, не в силах отвести взгляд от этого чуда, а потом вернулся назад и спросил:

– Откуда это?

– Из Поднебесного Города, – просто, будто бы это было нечто само собой разумеющееся, ответила старуха.

– Из... Откуда? Нет, невозможно... – забормотал Эван. Мысли смешались у него в голове. Может Рут и вправду сошла с ума? Но тогда откуда у неё эта вещь?... Да откуда угодно, только не оттуда! Этого не может быть!

– Да, – прервала его размышления Рут. – Мой дед принёс много вещей... оттуда...

Всё ясно, она сумасшедшая, подумал Эван, на всякий случай потихоньку отступая назад. Впрочем, наверняка бояться беспомощной, пусть и сумасшедшей старухи не стоило. Это его немного успокоило и он сказал:

– Но ведь Поднебесный Город был разрушен тысячу лет назад!

Старуха снова рассмеялась.

– Что ты знаешь о Поднебесном Городе, мальчик?

Эван, как и все жители посёлка, с детства знал о том, что давно, в начале времён люди жили в благоденствии в Поднебесном Городе, который для них построили боги. Город стоял так высоко в горах, что облака проплывали под ним и сквозь них не было видно землю, и людям казалось, что они живут прямо на небе. Боги обустроили жизнь в городе так, так что люди в нём ни в чём не нуждались. Там царило вечное лето и было вдоволь пищи.

Однако некоторые из людей стали спускаться вниз посмотреть что делается под облаками, и когда узнали, что там существует обширная неизведанная земля, то рассказали об этом остальным. Многие захотели спуститься на эту землю, потому что им надоела скучная жизнь в небесах. Другие же были против и хотели остаться. Между ними начались ссоры. Тогда разгневанные боги разрушили Поднебесный Город и сбросили неблагодарных людей на землю, где они должны были страданиями искупить свою вину. Для этого им был ниспослан Ин-ну, Жезл богов, перед которым они должны были приносить жертвы и молить богов о прощении.

И тогда было произнесено пророчество. Тысячу лет люди будут жить в горе и терпеть лишения, а после боги сойдут на землю и будут вершить суд и решать очистились ли они и заслужили ли прощение. И будет построен новый Поднебесный Город, и прощённые войдут в него, а все остальные будут уничтожены.

– Я знаю о Поднебесном Городе и о пророчестве, – сказал Эван. – Все знают.

– Всё, что ты знаешь... – старуха снова закрыла глаза. – Это действительно так... но не совсем так... Пророчество пересказали... неверно...

Эван разрывался между желанием слушать старуху и желанием уйти. Пока что первое желание преобладало.

– Я могу рассказать тебе как было на самом деле... – продолжала Рут. – Но вряд ли ты поймёшь... Поэтому я расскажу так... чтобы ты понял...

Видно было, что ей трудно говорить – паузы между фразами становились всё дольше. Но она продолжала:

– Поднебесный Город действительно был разрушен... и люди покинули его и спустились на землю... Но это было не так давно... Совсем недавно... Я родилась через год... после того... как был основан наш... посёлок...

Ну это было уже слишком. Все в деревне знали, и Эван знал, что люди пришли на берег бухты сразу после того, как был разрушен Поднебесный Город, и пусть даже Рут действительно прожила сто лет, всё равно это было за много лет до неё.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Эван. – Если тебе что-то ещё нужно...

– У меня мало... времени... Слушай, боги на самом деле не разгневались... Город погиб не по их воле... Ин-ну не жертвенник, Ин-ну это знак... чтобы они... когда придут за нами... узнали, что мы это мы...

– Кто они? Кто мы? – Эван окончательно запутался.

– Они... обещали... прийти...

– Кому обещали? Кто обещал?

– Так... говорил... мой дед... – казалось, что старухе не хватает воздуха. – У меня под головой... возьми...

Эван машинально сунул руку под шкуры, служившие Рут изголовьем, и почти сразу нашарил там какой-то плоский, твёрдый предмет. Он вытащил руку и недоумевая стал рассматривать оказавшуюся в ней серебристую четырёхугольную пластинку, с одной стороны покрытую непонятными рельефными символами. Она была небольшая, по размеру раза в два меньше ладони. В одном углу пластинки очень неаккуратно было проделано отверстие и в него продев потёртый кожаный ремешок.

– Что это? – спросил Эван.

– Он сказал... это амулет...

Нет, не амулет... она опять сказала какое-то слово, которого Эван не знал.

– Кто сказал? Для чего это?

– Я не знаю... только мой дед знал... Ты не веришь... Но есть место, где есть много таких вещей... Его легко найти... В горах...

– Но горы простираются на много дней пути на север...

– Недалеко... Там, где заканчивается ущелье... есть... белая скала... Там есть знак... три камня соприкасаются друг с другом... и четвёртый лежит сверху... в ста шагах на запад... будет пещера... Когда ты увидишь, ты поймёшь...

Старуха замолчала.

Эван ещё некоторое время стоял, растерянно вертя в руках странный предмет, а потом спросил:

– Что в той пещере, Рут? Что я там должен увидеть?

И только тут он понял, что старуха замолчала навсегда.

В деревне не было кладбища. Умерших заворачивали вместе с камнями в кусок кожи, отвозили подальше в море и отдавали морским богам. Так было с самого начала, со времён основания посёлка.

Рут тоже отдала морю как и всех остальных. А хижину её сожгли. Шаманка сказала, что там могут обитать злые духи, способные причинить людям вред. Эван с досадой смотрел как охваченная всепожирающим пламенем хижина становится бесформенной кучей, съедается и рассыпается на куски. Он хотел как-нибудь незаметно пошарить в доме старухи в поисках других необычных предметов, но теперь было поздно – все её тайны у него на глазах превращались в пепел.

– Зачем она мне всё это рассказала? – спрашивал себя Эван. – Потому что я единственный зашёл в её жилище? А если бы зашёл кто-то другой?

Он не понял и половины из того, что говорила старуха. Теперь всё это казалось ему горячечным бредом, который он бы давно благополучно забыл, если бы не странная пластинка на кожаном ремешке, которую юноша повесил себе на шею. Во-первых, пластинка настоящая, её можно рассмотреть и пощупать. Во-вторых, материал, из которого она была сделана, точно такой же, как и тот, из которого сделан Ин-ну. Эван заподозрил это почти сразу, а потом ещё сходил к жертвенному камню и окончательно убедился в своей догадке. То есть и Жезл богов

и странная пластинка имели общее происхождение. Жезл вручили людям боги. Значит и эта пластинка тоже связана с богами.

Других похожих предметов в деревне не было. Но старуха сказала, что есть место...

– Сказки всё это, – пытался убедить себя Эван. – Может и вправду есть какое-то место, какое-то забытое святилище, где наши предки поклонялись богам. Рут стара, она могла об этом месте знать. И этот предмет может быть оттуда. Но то, что она говорила о Поднебесном Городе и посёлке... Нет-нет, этого точно не может быть... Она свихнулась от старости и всё перепутала...

У человека на обеих руках десять пальцев. Сто лет это десять раз по по десять. Это много. Что такое тысяча лет Эван даже не представлял. И никто, наверное, в посёлке не представлял. Все просто бездумно повторяли это слово, когда речь заходила о событиях, случившихся очень давно. Эван знал, что его отец погиб на охоте пятнадцать или шестнадцать лет назад. Что спустя пять лет молния убила старейшину и его место занял Болл. И что прежняя шаманка умерла от болотной лихорадки через три года после этого. Но были люди старше Эвана, которые должны помнить больше. Самой старой в посёлке была Рут. Ещё есть хромоногая Инга, тоже совсем старуха, но она глухонемая. И старейшина Болл. Но с ним заговорить о таком Эван не решился.

Юноша спросил у матери что она помнит о тех временах, когда он, Эван ещё не родился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.